

УДК 930

Желнакова Н.Ю.¹

**ЗНАЧЕНИЕ КОЛОНИЗАЦИИ ПРЕДКАВКАЗЬЯ В ФОРМИРОВАНИИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕГИОНА**

Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

Zhelnakova N.Y.

**THE IMPORTANCE OF THE NORTH CAUCASUS COLONIZATION IN
THE FORMATION OF THE SOCIO-ECONOMIC FEATURES OF
THE REGION**

North Caucasus Federal University (Stavropol)

Аннотация. В статье рассмотрены характер и особенности колонизации территории Предкавказья, и их влияние на социокультурные особенности региона. Показана зависимость хозяйственных занятий поселенцев и сформировавшейся социальной структуры; определены предпосылки формирования специфических социально-экономических и культурных связей населения.

Ключевые слова: регион, колонизация, государственные крестьяне, казачество, «иногородние».

Abstract. The article deals with the character and peculiarities of the colonization of the North Caucasus territory, and their influence on the socio-cultural features of the region. The dependence of the settlers economic occupations and the formed social structure is shown; the prerequisites for the formation of specific socio-economic and cultural ties of the population are determined.

Keywords: region, colonization, state peasants, Cossacks, «non-resident».

Повышенное внимание к изучению местной истории в последнее время далеко не случайно и обусловлено не только осознанием самоценности и приоритета личностного

¹ Желнакова Нина Юрьевна — канд. ист. наук, доцент кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального ун-та (г. Ставрополь).

начала, но и становлением новых подходов к историческому исследованию. Постигание мира в историческом пространстве-времени невозможно без учета его социокультурного и цивилизационного многообразия, которое представлено совокупностью самостоятельных целостных систем или, следуя принятому в регионоведении определению о. П. Флоренского, «сгустков бытия» [1, с. 48]. Такого рода местные сообщества, являясь частью целого, в то же время живут по собственным законам и не могут являться всего лишь иллюстрацией к готовой схеме исторического развития. Поэтому изучение региона предполагает не только характеристику местной специфики, но и внимание к факторам, которые обусловили эту неповторимость. Не случайно большинство исследователей подчеркивает не столько территориальный, сколько деятельностный аспект в формировании региона [2, с. 61]. Местная многомерность и неповторимость есть прежде всего результат самоорганизации сообщества людей, зависящий от целого ряда природных и социокультурных факторов.

В этой связи интереснейший материал для регионоведения представляет Предкавказье — территория Ставропольской губернии, а также Кубанского и Терского казачьих войск, где ряд геополитических факторов породили удивительный синтез цивилизационных характеристик, национальных и конфессиональных анклавов, культурных и бытовых особенностей. Несмотря на причудливое сочетание казачьей общины, кочевой степи, поселений горцев, государственных крестьян и «иногородних», регион объединяла общая историческая судьба, обусловленная положением южного рубежа России. Специфика подобного местного сообщества, все элементы которого были теснейшим образом переплетены в единый социальный организм и подчинялись общим экономическим интересом, на наш взгляд, необъяснима без рассмотрения важнейшего аспекта его формирования - колонизации Предкавказья русским населением, особенно интенсивной с 70—80-х годов XVIII века.

Заселение вновь завоеванных территорий в основном государственными крестьянами и казаками, низкий процент частноземельной собственности привели в своеобразному распределению земель и, соответственно, к определенной специфике землепользования. Наделы государственных крестьян составляли 81,7 % всей земли губернии. Столь высокого процента наделных земель не было во всей России. Только в Донской и Оренбургской областях наделные земли составляли 70 % и 71,6 % соответственно, во всех же остальных пятидесяти губерниях России — 35,1 % в среднем [3, с 294]. Такое положение вещей обусловило наиболее высокую плотность расселения государственных крестьян — от 9 до 12 душ на квадратную версту, в отличие от 1,35 душ на частных землях и 0,35 душ на казенных и удельных [4, с. 183]. В связи с бедностью водных источников и опасностью

набегов горцев, колонисты в Ставропольской губернии селились крупными станицами и селами, что вплоть до настоящего времени закрепило общинный характер сельскохозяйственного труда и, безусловно, сказалось на особенностях менталитета крестьянства. Кроме того, компактное расселение обусловило и очень интенсивный характер землепользования — распашку земли большими массивами. На этих землях засеивалась лишь одна культура, причем чаще всего использовалась озимая пшеница. Это было обусловлено спросом на данный вид продукции, чему благоприятствовали и природно-климатические условия — толщина чернозема достигала аршина. Природа Предкавказья позволяла параллельно развиваться двум видам сельскохозяйственного производства — земледелию и скотоводству, что явилось отличительной чертой экономики региона. В Среднем и Нижнем Поволжье, например, рост товарного зернового земледелия не сопровождался ростом скотоводства. Наличие на территории Предкавказья степей с богатым разнообразием кормов способствовало развитию данной отрасли хозяйства. Оно стало особенно интенсивным в 60—70-е гг. XIX в., когда начался процесс переселения в Ставропольскую губернию крупных скотопромышленников — «таврчан», с отарами тонкорунных овец, привлеченных большими пастбищами и низкой арендной платой. Хозяйственная деятельность людей, в свою очередь, влияла на природу — активное развитие овцеводства и экстенсивная эксплуатация пастбищ приводила к деградации земель.

Интенсивная миграция населения из центральной России (особенно после 1861 г. и Столыпинских реформ) приводили к постепенному сокращению владений кочующих народов. Если до 60-х гг. XIX в. около 49,2 % территории Ставропольской губернии занимали кочующие «иностранцы» — ногайцы, туркмены, калмыки, то в 1861 г. ряд ногайских общин переселились в Турцию и освободили 1 млн. 790 996 тыс. десятин земли [5, с. 301]. После занятия этих земель русскими переселенцами началась их энергичная распашка и выпас огромных отар овец. Неизбежное взаимодействие русских мигрантов и «иностранцев» породило и своеобразный менталитет жителей региона, обычаи и уклад жизни которых значительно отличались от общероссийских образцов.

Примерно с середины XIX в. сочетание товарного зернового хозяйства и скотоводства становится отличительной чертой экономики Ставропольской губернии. К 1912 г. губерния имела самый высокий процент распаханых используемых земель на Северном Кавказе — 46 % (в областях Кубанского и Донского войск — 36,5 % и 35,2 % соответственно), и самое большое количество скота на 100 десятин площади — 74 единицы (55 и 40 единиц в областях Кубанского и Донского войск) (ГАСК. Ф. 397. Оп. 1. Д. 748. Л. 173, 182).

Характерно и то, что начиная примерно с конца XIX в., в параллельном развитии этих двух отраслей производства наблюдается постоянный дисбаланс в ту или иную сторону. Согласно архивным материалам, с 1850 г. в губернии хлеба производились больше внутренних потребностей, а благоприятные природные условия способствовали также развитию скотоводства — «...в Ставропольской степной губернии скотоводство дает тон и силу сельскому хозяйству, а по почвенным и климатическим условиям выгоднее земледелия» [6, с. 89]. Однако, интенсивный выпас овец, не сопровождаемый рациональным отношением арендатора к природным ресурсам привел к быстрому истощению почв, а неизбежное возрастание цен на продажу и аренду земли ограничивали возможности развития скотоводства. Постройка Владикавказской железной дороги (1875 г.) и железнодорожной ветки из Ставрополя к станице Кавказской (1897 г.) еще более способствовали увеличению удельного веса товарного зернового хозяйства. Кроме того, строительство этих транспортных сообщений способствовало резкому увеличению потока переселенцев, которые образовывали контингент так называемых «иногородних». Численность их стабильно увеличивалась и на рубеже XIX—XX вв. в связи со столыпинскими реформами, что неизбежно привело к определенному дисбалансу социальной структуры. Помимо очередного потеснения «инородцев» — на 137 375 десятин земель кочующих туркмен было поселено 37 538 человек новоприбывших мигрантов [7, с. 131], под угрозой оказалось и землевладение казачьих общин.

Между тем, на степень эффективности использования земель влиял и социальный статус их владельцев. Несмотря на то, что казачьи наделы в два раза превышали наделы крестьян-общинников, интенсивность их использования была не столь высокой из-за занятости казаков на военной службе. В связи с этим, долгое время Ставропольская губерния, населенная преимущественно государственными крестьянами, являлась поставщиком хлеба для Кубанского казачьего войска. Характерно, что обращение крестьян ряда сел Ставропольской губернии в казачье сословие на 30—40 лет затормозило освоение земельных наделов этих сел из-за занятости населения на военной службе.

Одной из категорий этих переселенцев явились так называемые «иногородние» — как правило, выходцы из центральных областей России. Думается, что особенности их экономического и правового положения были во многом обусловлены достаточно поздним их переселением на территории Ставропольской губернии, Кубанского и Терского казачьих войск. Изучение «иногороднего» населения представляется весьма важной и ак-

туальной задачей, так как его наличие на территории Предкавказья во многом сформировало неповторимую специфику региона.

Согласно официальным документам, «иностранцы» делились на две категории: имеющие и не имеющие оседлости. К первой относились те, кто приобретал на территории станиц усадебные участки в собственность. К «иногородним», не имеющим оседлости, принадлежали все те, кто жил в станицах на положении квартирантов или на частных владельческих землях в качестве арендаторов.

Излишки земли в регионе к концу XIX — началу XX веков были практически исчерпаны и «иностранцы» зачастую селились на землях местных народов — в начале XX века на 137 375 десятин земли кочевых туркмен было поселено 37 538 человек «иногородних» [8, с. 34]. Если же свободных земель не было вообще, то вновь прибывшим приходилось довольствоваться положением батраков у богатых казаков или крестьян. Так, председатель Ставропольского отделения Крестьянского поземельного банка Д.Н. Никитин в 1886 году отмечал, что сельское хозяйство на территории Предкавказья, при условии обязательной казачьей службы не могло бы успешно развиваться без наемного труда «иногородних». В отношении развития ремесленного производства коренные жители области остались на том же уровне, на котором они находились при заселении Кавказского края. «Нет среди казачьего населения лиц, которые хотя бы сколько-нибудь занимались ремеслом», — писал в 1895 году корреспондент газеты «Северный Кавказ», — ««иногородние» же занимаются кустарным производством. Все кузнецы, шерстобиты, овчинники, портные, сапожники, — все это великороссы, которые с неутомимой энергией отыскивают по всей России места, где можно найти применение своим занятиям и желанию трудиться» [9, с. 223]. Таким образом, одним из последствий бурного притока «иногороднего» населения на территорию казачьих областей Предкавказья стало развитие городской жизни и мелкотоварного хозяйства. При этом социальный состав «иногородних» был неоднороден; большинство составляли ремесленники, наемные рабочие, мелкие служащие, торговцы, и лишь немногим удавалось достичь уровня достаточно крупных капиталистических предпринимателей.

Таким образом, освоение Предкавказья предопределяло изменение сложной и многомерной социальной структуры региона, формировало и изменяло сословные связи (казаки — «иногородние», оседлое русское население — кочующие «иностранцы» и т. д.); способствовало изменению социального статуса и рода занятий людей (обращение государственных крестьян в казачье сословие). Приоритет той или иной сферы сельскохозяйст-

венного производства, интенсивность освоения и специфика использования земель различными социальными группами также напрямую зависели от характера колонизации юга России. Учитывая все вышесказанное, можно без преувеличения утверждать, что заселение Предкавказья второй половины XVIII — начала XX веков явилось определяющим фактором экономического и социокультурного своеобразия региона и заслуживает пристального изучения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. ГКУ «Государственный архив Ставропольского края» (ГАСК). Ф. 397. Оп. 1. Д. 748. Л. 173, 182.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гомаюнов С.А. Местная история в контексте россиеведения // *Общественные науки и современность*. 1996. № 1.
2. Левинтов А. К понятию «регион» // *Кентавр*. 1993. № 2.
3. Кузницкий А. Аграрный вопрос в Ставропольской губернии (статистический отчет). Ставрополь, 1881.
4. Обзор Ставропольской губернии за 1879 год. Ставрополь, 1880.
5. Бентковский И.В. Статистика населенных мест и поземельной собственности в Ставропольской губернии. Вып. 3. Ставрополь, 1881.
6. Обзор Ставропольской губернии за 1888 год. Ставрополь, 1889.
7. Обзор Ставропольской губернии за 1906 год. Ставрополь, 1908.
8. Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-Восточной России. Сб. статей. Ставрополь, 1970.
9. Очерки истории Ставропольского края. Т. 1. Ставрополь, 1984.

REFERENCES

1. Gomajunov S.A. Mestnaja istorija v kontekste rossievedenija // *Obshhestvennye nauki i sovoemennost'*. 1996. № 1.
2. Levintov A. K ponjatiju «region» // *Kentavr*. 1993. № 2.
3. Kuznickij A. Agrarnyj vopros v Stavropol'skoj gubernii (statisticheskij otchet). Stavropol', 1881.

4. Obzor Stavropol'skoj gubernii za 1879 god. Stavropol', 1880.
5. Bentkovskij I.V. Statistika naseleennyh mest i pozemel'noj sobstvennosti v Stavropol'skoj gubernii. Vyp. 3. Stavropol', 1881.
6. Obzor Stavropol'skoj gubernii za 1888 god. Stavropol', 1889.
7. Obzor Stavropol'skoj gubernii za 1906 god. Stavropol', 1908.
8. Nekotorye voprosy social'no-jekonomicheskogo razvitija JUgo-Vostochnoj Ros-sii. Сб. statej. Stavropol', 1970.
9. Oчерki istorii Stavropol'skogo kraja. Т. 1. Stavropol', 1984.

Рецензент:

Булыгина Т.А., д-р ист. наук, профессор Северо-Кавказского федерального ун-та (г. Ставрополь).